

«ИЩУ ПРАВДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ПОЧВЕ ФАКТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ»: БОРЬБА Н. П. ПЕТРОВА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ (1929–1931)

АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА КОЖАЕВА

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

a.kozhaeva18@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструировать персональную стратегию борьбы Николая Петровича Петрова за восстановление в избирательных правах, которых он был лишен в 1926 г. На основе материалов личного дела Н. П. Петрова проанализировано восприятие «лишенцем» социально-правовой дискриминации. В ходе исследования сделан вывод, что «лишенец» не только не отрицал свою прошлую деятельность, ставшую основанием для дискриминации, но стремился переосмыслить ее в духе борьбы за интересы трудящихся. В ходатайствах, адресованных в различные инстанции, Н. П. Петров использовал приемы политической мимикрии: ссылаясь на авторитетных лидеров, использовал лексику пропаганды и вписывал свою биографию в жизнь постреволюционного социума. Особое место в аргументации автора занимало обращение к чувствам членов избирательных комиссий и критика бюрократического аппарата.

Ключевые слова: «лишенцы», социально-правовая дискриминация, маргинальность, письма во власть, Томск, Якутская область, Иркутская губерния, СССР.

Для цитирования: Кожеева А. А. «Ищу правды и справедливости на почве фактов исторического значения»: борьба Н. П. Петрова за восстановление в избирательных правах (1929–1931) // *Universum Humanitarium*. 2026. № 1. С. 99–121. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-99-121

10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом советов была принята Конституция РСФСР, нормативно оформившая результаты первых государственных преобразований советской власти. Основным законом определил принципы общественного устройства и государственного управления, исходя из большевистской идеологии. Отдельные положения Конституции привели к созданию принципиально новой системы социальной иерархии, предполагающей разделение общества на две группы: «трудящиеся» и «нетрудящиеся». К первой в соответствии с 64-й статьей относились все граждане, которые добывали «средства к жизни производительным и общественно полезным

трудом» [Конституции и конституционные акты, 1940. С. 28]. В следующей статье Конституции были перечислены категории лиц, которые не относились к «трудящимся» и по этой причине подлежали лишению избирательных прав¹.

Дискриминационная политика советского государства в электоральной сфере с самого начала ее реализации рассматривалась советскими историками и правоведами через призму «классового подхода», в рамках которого лишение избирательных прав части населения трактовалось как закономерный и необходимый этап строительства социализма. При этом категории «лишенцев» изучались фрагментарно, а их образ наделялся исключительно негативными чертами [Владимирский, 1921; Гурвич, 1923; Бродович, 1925; Морозов, 1960; Филимонов, 1960; Ким, 1965; Ивницкий, 1972; и др.]. С начала 1990-х годов в связи с отказом от прежней марксистской трактовки и появлением возможности работать с ранее засекреченными архивными документами проблематика «лишенчества» стала предметом специальных исследований². Постсоветские историки реконструировали нормативно-правовые основы и механизмы реализации этой политики [Саламатова, 2002, 2018; Валуев, 2012; и др.], а также проанализировали положение отдельных категорий «лишенцев» [Москаленская, 2013; Килин, 2018, 2021; Петин, 2023]. Значимый вклад в историографию указанной проблематики внесли иностранные авторы [Kimerling, 1982; Moine, 2001; Alexopoulos, 2003]. Однако, несмотря на детальное изучение институциональных основ кампании по лишению избирательных прав, все еще ощущается недостаток исследований, посвященных реконструкции персонального опыта граждан, исключенных из избирательной системы советского государства. Обращение к анализу личных дел «лишенцев» позволит выявить индивидуальные стратегии борьбы граждан за восстановление в правах и варианты взаимодействия дискриминированных с властью.

С методологической точки зрения для анализа этого взаимодействия представляется необходимым учитывать концепцию социального доминирования, предложенную современными американскими исследователями социальной психологии Ф. Пратто, Д. Сиданиусом и др. В соответствии с ней превосходство одной социальной группы над другой обуславливается содержанием легитимирующих мифов: патерналистским (гегемония необходима для контроля за меньшинством), взаимовыгодным (в доминировании

¹ Законодательно закреплялось семь категорий лиц, лишенных избирательных прав: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [Конституции и конституционные акты, 1940. С. 29].

² См. подробнее: [Кожеева, 2024].

нуждаются и господствующие, и угнетаемые группы) или сакральным (реге-мония оправдывается какой-либо сакральной идеей) [Pratto, Sidanius, Livin, 2006. Р. 275–276]. Каждая категория мифов, как по отдельности, так и в совокупности с другими, используется властью или социумом для оправдания того, что неравенство справедливо, законно, естественно и не противоречит нормам морали [Pratto, Sidanius, Livin, 2006. Р. 276]. Привилегированное положение одной группы через механизмы позитивной дискриминации автоматически приводит к ущемлению прав прочих. Данная концепция позволяет интерпретировать кампанию по лишению избирательных прав части после-революционного советского социума как результат одновременного действия патерналистского мифа, требовавшего очистки общества от «чуждых» групп населения, и сакральной идеи, возвышающей группу «трудящихся» над «нетрудящимся» населением.

Методы осуществления и идеологический подтекст кампании «лишенчества», продолжавшейся с 1918 по 1936 г., трансформировались государством в соответствии с его собственными целями. Первоначально различные ограничения в жизни «лишенцев» объяснялись необходимостью борьбы с пережитками дореволюционного строя или так называемыми «бывшими»: «эксплуататорами», жандармами, чиновниками, торговцами и пр. Однако с середины 1920-х годов к «лишенцам» стали чаще относить представителей постреволюционного социума: членов семей «лишенцев», чье положение определялось не личными поступками, а родством с главой семьи, «новых» «эксплуататоров» и торговцев, не занимавшихся такого рода деятельностью до революции, однако вынужденные обратиться к ней в советское время и пр. Дискриминация врагов в советской идеологической системе приобретала форму нормативного ресентимента. Власть, управляя образом врага в общественном сознании, предлагала психологическую компенсацию трудящемуся населению, терпящему после революции различные тяготы. Неудовлетворенность населения вследствие повседневных проблем (безработица, низкий уровень жизни) компенсировалась чувством превосходства над «нетрудящимися» категориями граждан, у которых жизнь оказывалась еще труднее, а несовершенства советской политической системы объяснялись постоянным наличием «врагов», тормозящим развитие страны. Таким образом, государство было заинтересованно в постоянном пополнении списка «лишенцев» и введении для них различных ограничений.

Для соблюдения действующего законодательства и создания видимости социальной справедливости с 1922 г. партийно-советское руководство предусмотрело процедуру апелляций и восстановления в избирательных правах тех, кто необоснованно подвергся ограничениям. Первоначально указанная процедура носила упрощенный характер [Саламатова, 2018. С. 111–118]. Обстоятельно и подробно порядок восстановления в правах впервые был прописан в Инструкции о выборах в советы, принятой президиумом ЦИК СССР 28 сентября 1926 г. В соответствии с ней человек, желавший избавиться от дискриминационного статуса, мог подать ходатайство о восстановлении в избирательных правах в местный совет (сельский, районный или городской),

который формулировал свое заключение и передавал документы в соответствующую избирательную комиссию [СУ РСФСР, 1926. С. 891–892].

Ходатайства «лишенцев»³ — комплексный источник, выполняющий одновременно документальную и нарративную функции. С одной стороны, они создавались с конкретной делопроизводственной целью — инициировать процедуру восстановления в избирательных правах. С другой — данные источники содержат подробные описания биографий «лишенцев» и обладают всеми признаками, присущими эго-документам: субъективность, ретроспективность, экспрессивность и пр. В отношении «лишенца», подавшего ходатайство, формировалось личное дело. При отказе в восстановлении заявитель имел право подать в ту же или вышестоящие комиссии повторную апелляцию, которая после рассмотрения также подшивалась в его личное дело.

Личные дела «лишенцев» хранятся в фонде Всероссийской центральной избирательной комиссии (А-5248), отложившемся в Государственном архиве Российской Федерации, а также в фондах сельских, городских, районных, областных, окружных и краевых советов большинства региональных архивов России. В процессе многократных проверок и уточнений документы могли оставаться в одной из инстанций, не возвращаясь по месту жительства «лишенца». По своему составу личное дело «лишенца» представляет группу различных документальных источников, которые собирались как самими «лишенцами», так и избирательными комиссиями разных уровней. В соответствии с избирательной инструкцией 1926 г. для восстановления в правах «лишенцы» должны были не только прекратить прежнюю деятельность, но не менее пяти лет заниматься общественно полезным трудом, а также доказать лояльность советской власти [СУ РСФСР, 1926. С. 891–892]. В связи с этим в ходатайствах «лишенцы» описывали свой профессиональный опыт, который, по их мнению, мог стать основанием к восстановлению, нередко подтверждая собственные аргументы документальными свидетельствами: справками с мест работы, трудовыми списками и пр. Избирательная комиссия, рассматривавшая дело, также могла приобщать к нему те или иные документы. Поэтому в личных делах нередко встречаются справки от «свидетелей» (односельчан или соседей) с характеристикой «лишенца».

Таким образом, в федеральном и региональных архивах России хранятся сотни тысяч личных дел «лишенцев», содержащих сведения о судьбах представителей самых разных социальных, национальных и профессиональных групп советского населения. Главное, что объединяет авторов ходатайств — стремление добиться восстановления в правах. В связи с обозначенным контекстом представляется важным выяснить, как сами «лишенцы» понимали

³ Термин «ходатайство» является собирательным названием для различных видов однотипных документов: заявлений, жалоб, автобиографий и ходатайств «лишенцев». Авторы ходатайств сами определяли название своего документа, и это наименование никак не влияло на его содержание, поэтому для удобства в настоящей статье используется обобщенный термин.

В Сибирскую Краевую комиссию по делам от
избирательного законодательства.
г. Николай Петрович Петров, жител
г. Томск пр. Водное д. 88 кв. 2?
Заявление.

Я получил уведомление, что постановлением Томской Краевой
Комиссии от 12.5.30 мне в просьбе о восстановлении в избира
тельных правах отказано и что я остаюсь в списках лишнен
цев. Такой просветы я не одобряю и в списках лишненцев не
составляю. Составились же на меня карточки, как на лишненца по
единоличному расторжению пом. Начальника Удм. Отдела М.
Домосева считаю незаконным. (приложение №1)

В связи с делом мое избир. пр. Неполнота получено и мне было
написано жител в комиссию в городе 10 мая.

Судя по составу членов комиссии дольщиков под председа
тельством Ротавова (он же докладывал моего дела) в заключении,
что заявление объединенное Н. Комиссии т. В. Середовой и вторичной
и потому подаю заявление о разрешении вопроса: заслужив
аю ли я всеобщий список в списках лишненцев? Но давлением
до т. Ротавов неспешив и не возвратив с резолюцией:
принять за рассуждением 16.5. (заявление с фотографией прилагаю).

Прошу принять во внимание, что за 12 лет со дня издания
конституции ни одна организация имеет избирательных
прав не имела, как состоявшего сотрудником Советской
власти и члена его же самоуправления в 1918. подать прошение
иметь Временной Комиссией утратившим трудоспособность
ко ведению труда, а следовательно и к участию в выборах
и общегосударственной деятельности.

Все документы своей полевой службы при Временной
написку трудового народа я с полнотой откровенности
представил революционной власти еще в 1924. при удаляясь
о познании мне социального обеспечения, и последнее мне
присуждено было Комиссией Томск. Уд. В. В. в составе членов Ч.
С. С. С.

Илл. 1. Заявление
Н. П. Петрова
в Сибирскую краевую
избирательную
комиссию от 20 мая
1930 г.

Источник: ГАО. Ф. Р-430.
Оп. 3. Д. 2401. Л. 2

Fig. 1. N. P. Petrov's
petition to the
Siberian Krai Election
Commission, dated May
20, 1930

Source: State Archive of
Tomsk Oblast. Collection
R-430. Inventory 3. File 2401.
Sheet 2

свой дискриминационный статус и какие стратегии использовали для интеграции в раннесоветский социум.

В огромном массиве архивных документов особое внимание привлекает личное дело Николая Петровича Петрова, который был лишен избирательных прав в 1926 г. как бывший служащий полиции и тюремных ведомств⁴. С января 1929-го по май 1931 г., находясь в г. Томске, Н. П. Петров написал восемь

⁴ Категория «к» в 16-й статье Инструкции о выборах в советы 1926 г. [СУ РСФСР. 1926. С. 891].

ходатайств о восстановлении в избирательных правах⁵, каждое из которых представляет собой многостраничный нарратив, направленный на доказательство своей лояльности к советской власти (илл. 1). На момент написания первого заявления Николаю Петровичу было 72 года. Его личное дело, хранящееся в Государственном архиве Томской области⁶, состоит из 190 листов, что является нетипичным: как правило, личные дела «лишенцев» не превышают 20–30 листов.

Цель настоящей статьи заключается в реконструкции стратегии борьбы Н. П. Петрова как представителя «бывших» за восстановление в избирательных правах. Несмотря на то, что судьба одного человека не может объяснить все сложности создания и функционирования института «лишенчества», личное дело Н. П. Петрова дает возможность проанализировать эмоциональное восприятие автором своего дискриминационного положения. Информационная насыщенность источника позволяет детально проследить динамику аргументации заявителя и используемые им тактики, направленные на достижение положительного результата. Обращение к персональному делу позволит выявить, в какой мере ходатайства о восстановлении в правах отражают стратегии адаптации «лишенца» к условиям социально-правовой дискриминации. Под стратегией в рамках настоящего исследования понимается система аргументации, направленная на убеждение членов избирательных комиссий.

Написанные в разное время и в разные инстанции, ходатайства Н. П. Петрова имеют схожую структуру. Сопоставление текстов позволяет выделить в них следующие тематические блоки:

- информация о лишении избирательных прав (описание условий и официальной причины включения в списки «лишенцев», а также их авторская оценка);
- биографические сведения, относящиеся ко времени до лишения избирательных прав (социальное происхождение автора, описание полученного образования, объяснения причин занятия прошлой деятельностью, описание трудового опыта и стажа);
- сведения о заслугах автора перед советской властью и советским социумом;
- элементы советских идеологических конструкторов (ссылка на авторитеты, памятные события для советского общества);

⁵ Перечень ходатайств Н. П. Петрова по хронологии: Ходатайство в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 28–36; Заявление в Сибирский краевой исполнительный комитет Советов от 29 сентября 1929 г. // Там же. Л. 14; Заявление в Президиум ВЦИК от 12 октября 1929 г. // Там же. Л. 164–166; Заявление в Сибирский краевой исполнительный комитет Советов от 16 ноября 1929 г. // Там же. Л. 8–9, 11; Ходатайство Н. П. Петрова во Всероссийскую центральную избирательную комиссию от 22 января 1930 г. // Там же. Л. 17–19; Заявление прокурору Сибирского края от 14 апреля 1930 г. // Там же. Л. 12; Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // Там же. Л. 2, 6; Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 168–178.

⁶ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401.

- характеристика жизни в настоящем (описание правовых ограничений, жалобы на процесс разбирательства дела и пр.).

Предложенная группировка тематических блоков представляет собой исследовательскую конструкцию, направленную на систематизацию разрозненных высказываний Н. П. Петрова. В текстах автора указанные блоки могли располагаться в ином порядке, однако информация, приведенная автором, в каждом из тематических блоков должна была по-своему убедить адресата в несправедливости лишения его избирательных прав.

При этом семь из восьми ходатайств Н. П. Петрова начинались с главной для их автора проблемы — обстоятельств лишения его избирательных прав. Описание причин дискриминации являлось распространенной практикой «лишенцев», желающих оспорить правомерность решений избирательных комиссий. Неординарность ситуации Н. П. Петрова заключалась в том, что к ограничению в правах, по всей видимости, привела бюрократическая процедура оформления полагавшейся ему пенсии по утрате трудоспособности. В ходе проверки поданных документов выявились сведения о дореволюционной службе Николая Петровича, которые стали основанием не только для отказа в пенсионном обеспечении, но и для лишения его избирательных прав. Причем узнал он о своем новом статусе с нарушением процессуальных норм: «Я получил извещение, что постановлением Томской Окружной Комиссии⁷ от 12 V с[его] г[ода] № 9 мне в просьбе о восстановлении в избирательных правах отказано и что я оставлен в списках лишенцев. Такой просьбы я не подавал и в списках лишенцев не состоял»⁸. Автор отмечал, что извещение об отказе в восстановлении было первым документом, который он получил по поводу своей дискриминации. Решение о лишении прав стало для него неожиданностью: «я на старости лет за службу по полиции у крестьян и рабочих бездоказательно лишен своего трудового куска хлеба, бездумно и признан лишенцем»⁹.

Н. П. Петров не соглашался с основаниями для лишения его избирательных прав по ряду причин. Прежде всего, он считал незаконным применение к нему норм избирательной инструкции 1926 г.: «закон [19]26 г. о лишении прав гражданства к делу[,] возникшему в [19]24 г. неприменим, а я жаловался на отказ в пенсии именно в [19]24 г., когда закона [19]26 г. не существовало»¹⁰. Делая акцент на том, что закон не должен иметь обратной силы, автор в то же время указывал: «закон не мог иметь применения к делу[,] возникшему в 1924 г., когда не существовало даже понятия о лишенцах»¹¹. Последнее

⁷ Здесь и далее в цитатах сохранена орфография и пунктуация Н. П. Петрова. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

⁸ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 2.

⁹ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 175 об.

¹⁰ Ходатайство Н. П. Петрова во Всероссийскую центральную избирательную комиссию от 22 января 1930 г. // Там же. Л. 18 об.

¹¹ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 173.

утверждение выглядит, на первый взгляд, странно: из ходатайств Н. П. Петрова известно, что ко времени их составления он имел многолетний юридический стаж, а значит, должен был знать, что практика лишения избирательных прав существовала со времени принятия Конституции РСФСР 1918 г. Скорее всего приведенная цитата являлась намеренным риторическим преувеличением.

Таблица 1

Table 1

ЧИСЛО И ПРОЦЕНТ «ЛИШЕНЦЕВ» В РСФСР (1922–1931)*
NUMBER AND PERCENTAGE OF LISHENTSY (DISENFRANCHISED
CITIZENS) IN THE RSFSR (1922–1931)

Избирательная кампания¹²	Число «лишенцев», чел.	Процент «лишенцев» от числа совершеннолетних граждан, %
1922–1923 гг.	данные отсутствуют	1,4
1923–1924 гг.	данные отсутствуют	1,4
1924–1925 гг.	541 000	1,3
1925–1926 гг.	631 097	1,4
1926–1927 гг.	1 902 703	3,9
1928–1929 гг.	2 433 390	4,5
1929–1930 гг.	данные отсутствуют	3,9
1930–1931 гг.	1 936 638	3,3

* Составлено по: [Выборы в советы, 1926; Выборы в советы, 1928; Итоги выборов, 1929. Вып. I; Итоги выборов, 1929. Вып. II; Выборы в городские советы, 1930; О перевыборах советов, 1931].

До начала 1926 г. доля «лишенцев» среди совершеннолетних граждан РСФСР не превышала 1,5 % (табл. 1). Значительное ужесточение избирательного законодательства и связанное с ним увеличение числа «лишенцев» стали реакцией высшего партийно-советского руководства на наметившуюся в 1925 г. тенденцию к ослаблению позиций коммунистов в советах разных уровней. Вероятно, говоря об отсутствии «понятия о лишенцах», Н. П. Петров имел в виду то, что до 1926 г. кампания по лишению прав не носила массового характера и редко приводила к реальным ограничениям. Для автора, который до этого служил в советских учреждениях, такая внезапная радикализация в практике реализации указанной нормы представлялась недопустимой

¹² Сводная электоральная статистика составлялась не по календарным годам, а по избирательным кампаниям и охватывала обычно период с осени одного года до весны следующего. Поэтому статистика в таблице приведена не за конкретный год, а по избирательным кампаниям. Кроме того, на основе данных, представленных в сборниках, невозможно установить сведения об абсолютном числе «лишенцев» в избирательных кампаниях 1922–1923 гг., 1923–1924 гг., 1929–1930 гг., поэтому в таблице приведены только проценты, указанные составителями сборников. В таблице отсутствует статистика избирательной кампании осени 1927 г. — весны 1928 г., так как в указанный период выборы / перевыборы не проводились.

и воспринималась как нарушение закона. Он настаивал на том, что лишение его избирательных прав стало результатом произвола конкретных лиц и учреждений: начальника административного отдела г. Томска «товарища Рогачева»¹³, городской и окружной избирательных комиссий¹⁴.

Центральное место в стратегии Николая Петровича занимало описание собственной биографии до лишения его избирательных прав. Обращение к фактам прошлого было обусловлено несогласием автора с оценкой его до-революционной деятельности как преступной и стремлением показать свою приверженность советским идеалам.

Н. П. Петров родился в 1857 г. В своих ходатайствах он писал, что, являясь сыном канцелярского служащего, с самого рождения был связан с рабоче-крестьянским населением страны: «по происхождению я сын канцелярского служащего из податного сословия, значит из пролетарского»¹⁵. После смерти отца, будучи двухлетним ребенком, Н. П. Петров вместе с братьями остался на попечении матери. Вспоминая этот период своей жизни, он делал акцент на том, что «все испытывали нищету, голод и холод»¹⁶. Описание тяжелого детства присутствует в его ходатайствах неслучайно. Лишение избирательных прав части советского населения с позиции идеологии объяснялось необходимостью борьбы с различного рода «эксплуататорами», считавшимися пережитками сословной структуры. После издания Конституции РСФСР 1918 г. отдельные ее положения разъяснялись населению в специально подготовленных брошюрах. В одном из таких изданий большевик Н. П. Глебов-Авиллов объяснял отсутствие всеобщего избирательного права интересами всех трудящихся: «Рабочие и крестьяне взяли власть не для того, чтобы делить ее с буржуями и кулаками» [Глебов-Авиллов, 1918. С. 11]. Действуя в этой логике, «лишенцы» в своих ходатайствах старались по возможности сослаться на пролетарское происхождение, чтобы убедить адресата в своей «классовой близости» новому режиму. Так и Петров, сообщая про «свое происхождение из трудовой среды пролетарского типа»¹⁷, пытался доказать, что несмотря на отдельные эпизоды в его биографии, по социальному происхождению он не может являться выходцем из «чуждых» групп населения, а значит, как представитель трудового народа, не должен подвергаться ограничениям.

Дальнейшее развитие образа «человека из народа» в ходатайствах происходило за счет упоминания о получении образования в Иркутской военной прогимназии¹⁸ и через описание начального этапа трудовой деятельности. «По несправедливым царским законам, дети канцеляр[ских] служит[елей]

¹³ Инициалы Рогачева не указаны в ходатайствах.

¹⁴ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 2.

¹⁵ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 174.

¹⁶ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // Там же. Л. 35 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 174.

считались податного сословия и потому мне пришлось служить более 8 лет, тогда как мои сверстники, из дворянских детей, имели за это время по 2 чина. Значит я эксплуатировался за счет их повышения», — убеждал Н. П. Петров Президиум ВЦИК¹⁹. Свою карьеру он начал в конце 1870-х годов в Иркутском губернском суде, где работал «без жалования» для того, чтобы, как выходцу из податного сословия, претендовать на получение чинов по службе. Спустя 4,5 года он перешел в земскую полицию на должность секретаря и только там, наконец, начал продвижение по службе.

В 1880-х годах Н. П. Петров служил земским заседателем в Иркутской губернии, сочетая функции судебного следователя и мирового посредника. К 1890-м годам его деятельность была сосредоточена в тюремном ведомстве — он стал помощником иркутского губернского тюремного инспектора. Это подтверждается информацией из «Адрес-календаря личного состава служащих в учреждениях г. Иркутска» за 1897 г., в котором Н. П. Петров в чине титулярного советника упоминался в качестве помощника губернского тюремного инспектора, статского советника А. П. Сипягина²⁰ [Адрес-календарь, 1897. С. 68]. В 1904 г. Николай Петрович был назначен Витимским горным исправником, в его задачи входило выполнение административно-полицейских функций и осуществление надзора за соблюдением порядка на золотых приисках²¹. Накануне революционных событий 1917 г. Н. П. Петров состоял советником в областном управлении Якутской области и имел высокий гражданский чин статского советника (5-й класс в Табели о рангах) [Адрес-календарь, 1916. С. 1307].

В своих ходатайствах Н. П. Петров использовал тактику переакцентирования, обращая внимание адресатов на то, что, даже являясь служащим полицейских и тюремных учреждений, он осуществлял свою деятельность на пользу рабочих и крестьян. Вместо покаяния или отрицания своего прошлого заявитель утверждал, что на протяжении всей своей карьеры являлся союзником эксплуатируемых классов. Для доказательства своей позиции он привел ряд конкретных примеров.

Так, Николай Петрович писал, что в 1880-х годах, управляя в качестве земского заседателя участком с населением численностью 44 тыс. чел., он «по личной инициативе заменил подушную подать, платимую по ревизским сказкам за умерших — раскладкою по признакам доходности т. е. по количеству обрабатываемой земли и по наличности скота», чем вызвал недовольство «деревенских кулаков и мироедов»²². Этот поступок интерпретировался

¹⁹ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 35 об.

²⁰ Александр Петрович Сипягин известен тем, что, являясь тюремным инспектором в Александровском центре, внедрил новшество в систему содержания каторжан. Вместо жестокого обращения с заключенными им предлагали выгодную работу, доход от которой шел на улучшение быта заключенных, а также частично выплачивался при освобождении [См.: Сипягин, 1898; Попов, 1989].

²¹ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 31 об.

²² Там же. Л. 34 об.

Петровым как принятие им стороны неимущего крестьянства. Далее Петров делал акцент на том, что его инициативы постоянно встречали сопротивление чиновников. В частности, резкой критике подвергся в его ходатайствах генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев, который выступал против гуманного обращения с крестьянами²³.

Тюремного инспектора А. П. Сипягина Н. П. Петров, напротив, характеризовал как «человека честного, гуманного и твердо преследовавшего идею охраны человеческих прав»²⁴. Описывая его службу, заявитель делал акцент на том, что полностью разделял идеи начальника и помогал в их реализации. Для доказательства близких отношений с инспектором и общности их взглядов с ним Н. П. Петров приложил к одному из своих ходатайств экземпляр книги Сипягина «Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы» с дарственной надписью: «На добрую память многоуважаемому дорогому товарищу и сотруднику от автора. 26/IV 98 г.» (илл. 2).

Важнейшим аргументом, который приводил Н. П. Петров в качестве доказательства своей лояльности советскому режиму, являлись события 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в районе г. Бодайбо, известные как «Ленский расстрел». Несмотря на то, что сам Петров не был участником этих событий, он писал, что был свидетелем назревавшего конфликта задолго до случившегося. Автор утверждал, что еще в 1900 г. открыто критиковал горных исправников за то, что они, получая огромные деньги от золотопромышленников, не защищали интересы рабочих: «я обличал Горных Исправников из любимцев и ставленников Генерал-Губернатора в том, что они, получая от капиталистов по 35 и 40 тысяч [рублей] жалования, смотря по угодливости, являются послушными рабами капитала и как агенты правительства ровно ничего не значат»²⁵.

Свое назначение Витимским горным исправником в 1904 г. Н. П. Петров объяснял собственным «стремление[м] ухватить за руку убийц и вырвать оружие, чтобы устранить осуществление намеченного тогда злодеяния»²⁶. Вскоре после этого на приисках началась забастовка рабочих, являвшаяся, по его мнению, «генеральной репетицией» событий 1912 г. Николай Петрович акцентировал внимание комиссий на том, что оказался «в обстановке полного одиночества в окружении враждебно настроенных приисковых промышленников»²⁷, которые желали подавить забастовку силой. Он утверждал, что смог предотвратить кровопролитие, запретив страже открывать огонь по бастующим: «Накануне состоялось совещание, сопровождавшееся травлею и нападением на меня. Окруж[ной] инж[енер] Левицкий предлагает передать распоряжение стражей ему Левицкому, сказавшись больным, о чем

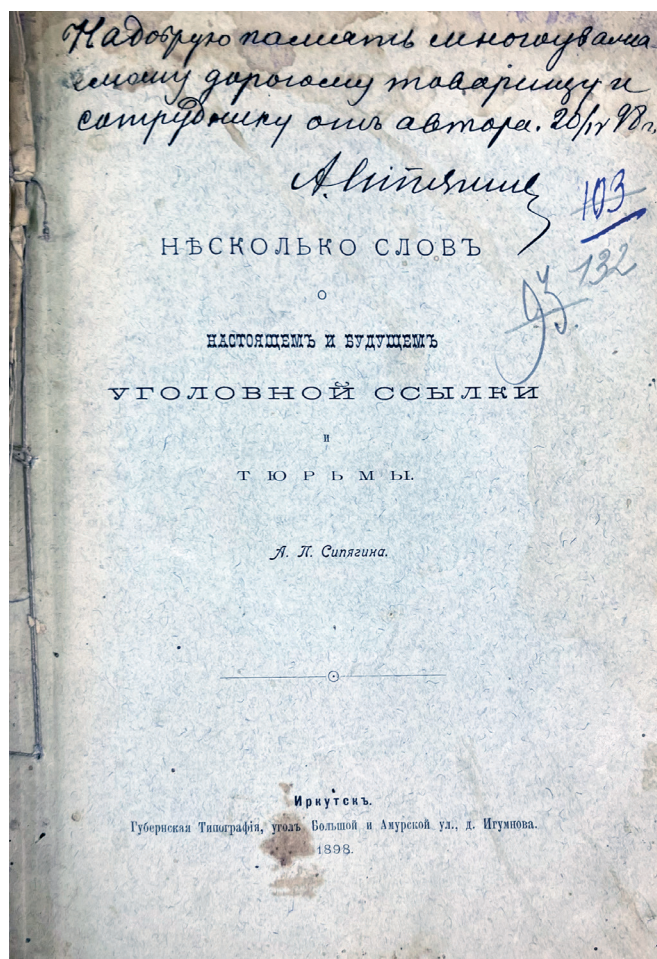
²³ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 174 об.

²⁴ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // Там же. Л. 35.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 30 об.

²⁷ Там же. Л. 31 об.

**Илл. 2. Обложка книги
А. П. Сипягина «Несколько
слов о настоящем и будущем
уголовной ссылки и тюрьмы»
из личного дела Н. П. Петрова**

Источник: ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д.
2401. Л. 132

**Fig. 2. The cover of
A. P. Sipyagin's book "A Few
Words on the Present and
Future of Criminal Exile and
Prison" from the personal file of
N. P. Petrov**

Source: State Archive of Tomsk Oblast.
Collection R-430. Inventory 3. File 2401.
Sheet 132

даже сформулировал постановление, но я спокойно возразил, что не собираюсь оставлять свой пост в критическую минуту и что за отказ от работ нельзя стрелять в людей»²⁸. Этот эпизод из своей жизни автор называет «фактом исторического значения»²⁹, полагая, что трагедия 1912 г. стала возможной только потому, что на его месте оказались люди, которые находились под полным влиянием золотопромышленников.

В 1912 г. Н. П. Петров начал службу в тюремных учреждениях Якутской области. Стремясь документально подтвердить свой личный вклад в улучшение организации труда заключенных, автор приложил к одному из своих ходатайств фотографию, датированную 28 октября 1913 г. (илл. 3). На оборотной стороне имеется недатированная надпись, вероятно, сделанная самим Петровым: «Опыт применения коллективного труда с употреблением

²⁸ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 32.

²⁹ Там же.

Илл. 3. Заключенные Якутской тюрьмы на сельскохозяйственных работах. 28 октября 1913 г.

Источник: ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 188

Fig. 3. Prisoners of the Yakutsk Prison at agricultural works. October 28, 1913

Source: State Archive of Tomsk Oblast. Collection R-430. Inventory 3. File 2401. Sheet 188

сель[ско]хозяйств[енных] машин, при оплате наравне с заработком показал удивительные результаты еще небывалой продукции. Затраты 700 руб. за короткий срок оправданы 6000 рублями [дохода], при наличии 12 лошадей с пользованием машинами и сеянным хлебом, а также фуражем революции 1917 года»³⁰.

Н. П. Петров указывал, что «за службу в отдаленном Якутском крае»³¹ был удостоен ордена Святого Владимира четвертой степени, а в 1917 г. — произведен в чин действительного статского советника (4-й класс в Табели о рангах)³². Получение высших гражданских чинов, которые советская власть рассматривала как «клеймо» прошлого, автор считал доказательством своих заслуг, которые должны цениться в новом обществе: «Далее мне вменяется

³⁰ Вероятно, Н. П. Петров имел в виду, что организованная им система труда заключенных оказалась настолько эффективной, что запасы зерна и кормов для лошадей («фураж») продолжали использоваться и в 1917 г.

³¹ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 177 об.

³² Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // Там же. Л. 35 об.

вину получение мною уже в глубокой старости высшего чина Д. С. С.³³ Между тем по современным понятиям я являюсь лишь выдающимся выдвиженцем из трудовой среды и именно пролетарского типа неимущих людей и всегда существовавших только своим личным трудом»³⁴.

После установления советской власти Н. П. Петров не прекратил трудовую деятельность: с 1918 г. он исполнял обязанности секретаря Ленского совета народных судей, затем последовательно занимал должности секретаря народного суда в г. Олёкминске, секретаря олекминского окружного прокурора, делопроизводителя окружного исполкома по заведыванию земским судом и секретаря олёкминского горсовета³⁵. Необходимо отметить, что Петров не противопоставлял период советской службы своей дореволюционной карьере. Напротив, для него оба этапа являлись частями единого, непрерывного трудового процесса.

К 1924 г. Н. П. Петров, по его собственным словам, потерял «трудоспособности ко всякому труду»³⁶ и ушел на пенсию, получив право на социальное обеспечение по 2-му разряду. В данном случае Петров вероятно ссылается на декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1921 г. «О социальном обеспечении инвалидов», статья 2 которого устанавливала шесть категорий инвалидности, служивших основанием для назначения гражданам социальных выплат. Ко второй относились «инвалиды, неспособные ни к какому труду, дающему заработок, но не нуждающиеся в постоянном уходе» [СУ РСФСР, 1944. С. 1092], что вполне соотносится с описанием, приведенным в ходатайствах. Однако обозначенную пенсию Николаю Петровичу получить не удалось, так как в 1926 г. он получил отказ в связи с лишением его избирательных прав. Описание жизни и деятельности Петрова за 1924–1931 гг. в его ходатайствах отсутствует. Вероятно, из-за состояния здоровья в эти годы он проживал на попечении своей дочери — Надежды Николаевны³⁷.

Приведенные Николаем Петровичем в ходатайствах автобиографические сведения позволяют утверждать, что его стратегия включала в себя отрицание преступного характера своих действий в прошлом и попытку переосмыслить свою биографию в духе новой идеологии. Однако автор не надеялся только на оправдание дореволюционного прошлого, но и обращался к собственным заслугам перед социалистическим государством. Он сообщал, что на службу при советской власти был принят с первых дней ее возникновения, тем самым желая показать, что изначально новая власть не видела в нем классового врага, а напротив, использовала его профессиональные компетенции для решения собственных задач. Для доказательства лояльности он

³³ Действительного статского советника.

³⁴ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 35 об.

³⁵ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // Там же. Л. 2 об.

³⁶ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 177 об.

³⁷ Там же. Л. 178.

также приводил сведения о том, что «находился в [профессиональном] союзе служащих и уплачивал членские взносы»³⁸, а также апеллировал к личным утратам: «На советской службе сошли в могилу мои сын красноармеец и дочь»³⁹ [—] активная работница, преподавательница школы»⁴⁰. Н. П. Петров намеренно делал акцент на том, что потерял детей в процессе их самоотверженного труда на благо советского государства и что его связь с последним закреплена не только собственной службой, но и семейной трагедией. Он считал, что как престарелый родитель, потерявший двоих детей, может рассчитывать на ответную заботу со стороны государства: «за службы которых я с женой вправе пользоваться пенсией»⁴¹.

Используя тактику демонстрации лояльности, Н. П. Петров намеренно использовал в своих ходатайствах элементы советских идеологических конструкций. Его ходатайства отсылали адресатов к значимым для новой власти событиям: «Сегодня день смерти В. И. Ленина»⁴², «Сегодня 17 Апреля — день расстрела Ленских рабочих»⁴³. Нередко он апеллировал к авторитетным личностям. Например, упоминал, что пенсия была назначена ему по ходатайству бывшего комиссара Якутской области и видного большевика Г. И. Петровского⁴⁴.

Для того, чтобы подчеркнуть принадлежность к новому обществу, автор демонстрировал свою политическую грамотность. К таким случаям можно отнести цитирование стихов Д. Бедного, посвященных памяти ленских событий 1912 г.: «А солнце вечное блесит / О братья проклят, проклят будет, / Кто этот страшный день забудет. / Кто эту кровь простит»⁴⁵. Примером демонстрации политической эрудиции можно также считать упоминание авторитетных на момент написания ходатайств представителей высшего партийного руководства: «или являлся врагом, допустим, А. И. Рыкова, который тогда только родился или был еще в младенческом возрасте[?]»⁴⁶; «Невольно вспоминаются мысли т. Бухарина...»⁴⁷, «устаами тов. Сталина»⁴⁸. Более того, Н. П. Петров с явной поддержкой действий центральной власти ссылался

³⁸ Заявление прокурору Сибирского края от 14 апреля 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 12.

³⁹ По сведениям, полученным из ходатайств, у Н. П. Петрова было трое детей. Сын и дочь, имена которых он не называет, погибли по неизвестным причинам до 1929 г. Надежда, еще одна дочь Н. П. Петрова, проживала вместе с отцом.

⁴⁰ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 178.

⁴¹ Там же.

⁴² Ходатайство Н. П. Петрова во Всероссийскую центральную избирательную комиссию от 22 января 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 19 об.

⁴³ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 168.

⁴⁴ Заявление Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 12 октября 1929 г. // Там же. Л. 168.

⁴⁵ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // Там же. Л. 168.

⁴⁶ Ходатайство Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 29 января 1929 г. // Там же. Л. 35 об.

⁴⁷ Там же. Л. 30.

⁴⁸ Там же. Л. 29.

на «Шахтинский процесс» 1928 г., считая, что из-за этого его дело долго рассматривают в Москве: «В то время был нарушен шахтинский вредительский заговор горных инженеров и момент требовал особой осторожности к так называемому чуждому элементу»⁴⁹. Советское государство наделялось исключительно позитивными характеристиками, а сам Петров стремился подчеркнуть личную сопричастность актуальным политическим идеям: «мои достижения власти в строительстве социализма, по 5[-]летке и коллективизации <...> я всю жизнь, будучи политически неграмотным, а чутьем идейно вел борьбу с капиталистами и эксплуататорами»⁵⁰; «я не большевик, но если все мои действия и борьба с кулаками согласуются с деятельностью большевиков, то значит я большевик»⁵¹.

Использование речевых практик подражания официальному советскому дискурсу не являлось случайным. Язык «лишенцев» в ходатайствах претерпевал изменения под воздействием усвоения ими тех нормативных установок, которые транслировались «сверху» в директивах, инструкциях, постановлениях, периодических изданиях и пр. [Кожеева, 2022. С. 32]. В случае Петрова это проявилось наиболее ярко, так как использование им лексики советской пропаганды, а также элементов политической культуры являлось попыткой подтвердить лояльность и вписать свою идентичность в постреволюционный социум.

В 1924 г. Н. П. Петров переехал в г. Томск для лечения, где проживал до переезда в п. Самусьский Затон (ныне — п. Самусь Томской области) в 1931 г. Автор эмоционально описывал бедственное положение, в котором он оказался, став «лишенцем». Потерю пенсии он считал гораздо более тяжелым последствием электоральной дискриминации, чем невозможность принимать участие в выборах, так как Петров и не собирался далее пользоваться избирательными правами «ввиду дряхлости и беспомощности, как потерявший слух и зрение»⁵². Ссылаясь на ухудшающееся с каждым днем здоровье, «подорванное 25-летней службой в суровых климатических условиях северной окраины Якутской республики»⁵³, он писал, что социальные выплаты являются единственной возможностью прокормить его семью, состоявшую из нетрудоспособной жены и дочери Надежды, которая после развода осталась одна с ребенком.

Однако стремление Н. П. Петрова восстановиться в избирательных правах не ограничивалось исключительно материальной мотивацией. Оно имело также моральное значение: «неужели недостаточно всех этих лишений чтобы хотя перед смертью получить помилование за мнимое преступление

⁴⁹ Ходатайство Н. П. Петрова во Всероссийскую центральную избирательную комиссию от 22 января 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 18.

⁵⁰ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // Там же. Л. 6.

⁵¹ Там же. Л. 6 об.

⁵² Заявление прокурору Сибирского края от 14 апреля 1930 г. // Там же. Л. 12.

⁵³ Заявление в Президиум ВЦИК от 12 октября 1929 г. // Там же. Л. 164.

и умереть неопороченным в качестве честного труженика и исправного гражданина своей родины»⁵⁴. Упоминание плохого здоровья, тяжелого положение в семье, ссылка на возраст — эмоционально окрашенные аргументы, нацеленные на то, чтобы повлиять на чувства членов комиссий, получивших его ходатайства. Автор стремился внести в строгие юридические критерии гуманный аспект и позволить увидеть за «бывшим тюремщиком» человека, искупившего свое дореволюционное прошлое.

В процессе написания ходатайств Николая Петровича беспокоили здоровье и тяжелое экономическое положение, а также бюрократическая волокита, сопровождавшая разбирательство его дела. Автор считал незаконным как само решение о лишении его избирательных прав, так и процедуру рассмотрения его документов: «Далее во всех инстанциях по существу дело мое не рассматривали и законных оснований к отказу ни одна организация не указала, сопровождая свои отказы „по отсутствию оснований к пересмотру дела“»⁵⁵. Особый акцент автор делал на том, что такое стало возможным в г. Томске — «университетском городе, где сосредоточены выдающиеся звезды науки»⁵⁶. Действительно, делопроизводство избирательных комиссий являлось хаотичным, поскольку в их решениях не всегда содержались обоснования для принятия того или иного решения. Кроме того, нередким являлась задержка с ответом или его отсутствие.

Последнее ходатайство было написано Николаем Петровичем в мае 1931 г., далее о его судьбе ничего не известно. В личном деле нет сведений о его восстановлении в избирательных правах. Объясняться это может несколькими версиями. Первая заключается в том, что автор мог быть восстановлен в избирательных правах и поэтому прекратил подачу ходатайств, но решение о его восстановлении было утеряно в делопроизводственном процессе. Вторая версия состоит в том, что Н. П. Петров не получил положительного решения, но перестал ходатайствовать по субъективным или объективным причинам. Возможно, это было вызвано разочарованием работой избирательных комиссий и потерей веры в достижение цели. Не исключено также, принимая во внимание возраст и состояние здоровья Петрова, что разбирательство дела могло быть прервано в связи с его смертью.

В контексте рассмотренного нами дела принципиальным является вопрос о правомерности лишения Н. П. Петрова избирательных прав. С точки зрения действующего в то время законодательства формальных оснований для применения к нему ограничений было достаточно: дореволюционная служба в тюремных и полицейских учреждениях, высокий чин. Однако, если выйти за рамки нормативных предписаний, возникает вопрос, насколько оправданным и справедливым было лишение избирательных прав человека, который после

⁵⁴ Жалоба Н. П. Петрова в Президиум ВЦИК от 17 апреля 1931 г. // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2401. Л. 178.

⁵⁵ Заявление в Сибирскую краевую избирательную комиссию от 20 мая 1930 г. // Там же. Л. 2 об.

⁵⁶ Там же. Л. 6 об.

революции не занимался антисоветской деятельностью, а напротив, служил новому государству. Формальный классовый подход не позволил учесть ни трудовой стаж Н. П. Петрова, ни его возраст, ни состояние здоровья. Восстановление в правах по этим основаниям было фактически невозможным.

В условиях отсутствия четких юридических шаблонов и стандартов автор ходатайств сами определяли стратегии, с помощью которых надеялись добиться восстановления в избирательных правах. Стратегия Н. П. Петрова отличалась относительной стабильностью и оставалась неизменной на протяжении всего периода подачи ходатайств, то есть с января 1929 г. по май 1931 г. Во всех обращениях автор использовал постоянный набор аргументов, меняя лишь способ их репрезентации и расставляя необходимые риторические акценты. С одной стороны, такое постоянство может объясняться незначительным хронологическим разрывом между подачей первого и последнего обращений: у автора не возникло объективных причин кардинально перестраивать свою стратегию. С другой — неизменность его аргументации могла быть обусловлена убежденностью заявителя в действенности приводимых аргументов.

И хотя мы не можем оценить эффективность стратегии Н. П. Петрова, его ходатайства являются ярким примером того, как «лишенцы» пытались адаптироваться к новым социально-политическим реалиям и как воспринимали процесс взаимодействия с властью для восстановления в избирательных правах. Сложным и, по мнению автора настоящей статьи, неразрешимым остается вопрос установления искренности Н. П. Петрова: действительно ли он разделял идеалы советского государства или же приводил эти аргументы только для того, чтобы добиться своей цели. Однако этот факт не умаляет значимости изученного примера борьбы за восстановление в избирательных правах. Описанный случай выходит за рамки изучения персональной судьбы, позволяя увидеть, как нормы советского законодательства реализовывались на практике и меняли повседневную жизнь людей, получивших дискриминационный статус «лишенца».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897–98 год: с приложениями. Иркутск, 1897. 305 с.

Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1916 г. Ч. 1–2. Петроград, 1916. 1400 с.

Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1927 г. М.: Власть советов, 1928. 96 с.

Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 году (предварительные итоги). Ч. 1. Горсоветы, сельсоветы, волсезды, волисполкомы и ревиз. комиссии. М.: НКВД, 1926. 255 с.

Глебов-Авилов Н. П. Наш основной закон: разъяснение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М: Изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Ком. Советов Р. С. Кр. и К. Депутатов, 1918. 40 с.

Итоги выборов в советы РСФСР в 1929 г. Вып. I: Выборы в сельские, волостные и районные органы власти. М.: Власть советов, 1930. 401 с.

Итоги выборов в советы РСФСР в 1929 г. Вып. II: Выборы в городские советы. М.: Власть советов, 1930. 104 с.

Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сб. документов / под общ. ред. акад. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

О перевыборах советов в 1931 г. М.: Центризбирком ЦИК СССР, 1931. 103 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР за 1921 г. М.: Народный комиссариат юстиции, 1944. С. 1092.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР за 1926 г. Отдел первый. № 35–92. М.: [Б. и.], 1926. 1026 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродович С. М. Советское избирательное право. Л.: Гос. изд-во, 1925. 132 с.

Валуев Д. В. Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

Владимирский М. Ф. Организация советской власти на местах. М.: Гос. изд-во, 1921. 146 с.

Гурвич Г. С. История Советской Конституции. М.: Социалистическая академия, 1923. 216 с.

Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.: Наука, 1972. 360 с.

Килин А. П. Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбуждавшего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 70–77. DOI: 10.17223/15617793/433/9

Килин А. П. Книготорговец Василий Иванович Лагуткин (1883–1933): реконструкция биографии «лишенца» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 53–69.

Кожеева А. А. Подходы и методы к изучению дискриминационной кампании «лишенчества» (1918–1936) в трудах советских и российских историков и правоведов // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 130–138. DOI:10.17223/19988613/90/14

Кожеева А. А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-6-2

Морозов Л. Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М.: ВПШ и АОН, 1960. 103 с.

Москаленская Д. Н. Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах (середина 1920-х – середина 1930-х годов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 8: История. С. 134–138.

Петин Д. И. К вопросу о социальной адаптации бывших белых офицеров и чиновников белых армий в Омске в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения — 2023: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Омск, 22–24 марта 2023 г.). Омск, 2023. С. 105–110.

Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 384 с.

Саламатова М. С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). 2-е изд. Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 340 с.

Саламатова М. С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х — 1936 гг.: На материалах Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 292 с.

Сипягин А. П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы. СПб., 1898. 36 с.

Филимонов В. Г. Первая советская Конституция. М.: Госюриздат, 1960. 77 с.

Alexopoulos G. Stalin's outcasts: aliens, citizens, and the Soviet state. New York: Cornell University Press, 2003. 243 p.

Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // Russian Review. 1982. Vol. 41, no. 1. P. 24–46.

Moine N. Peut-on être pauvre sans être un prolétaire? La privation de droits civiques dans un quartier de Moscou au tournant des années 1920–1930 // Le Mouvement Social. 2001. Num. 196. P. 89–114.

Pratto F., Sidanius J., Levin S. Social Dominance Theory and the Dynamics of Intergroup Relations: Taking Stock and Looking Forward // *European Review of Social Psychology*. 2006. No. 17. P. 271–320.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет.

ГАТО — Государственный архив Томской области (г. Томск).

СНК РСФСР — Совет народных комиссаров РСФСР.

СУ РСФСР — Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КОЖАЕВА АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА, ассистент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, a.kozhaeva18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>, WoS ResearcherID: JJE-7957-2023, SPIN-код автора: 1962-3228.

Статья поступила в редакцию 06.05.2026; одобрена после рецензирования 02.06.2026; принята к публикации 05.06.2026.

“SEEKING TRUTH AND JUSTICE ON THE GROUND OF FACTS OF HISTORICAL SIGNIFICANCE”: N. P. PETROV’S STRUGGLE FOR THE RESTORATION OF VOTING RIGHTS (1929–1931)

ALBINA A. KOZHAIEVA

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

a.kozhaeva18@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>

Abstract. This paper reconstructs the personal strategy of Nikolai Petrovich Petrov’s struggle to restore his voting rights, which he was deprived of in 1926 due to his pre-revolutionary service in police and penal institutions. Through the case study, the article analyzes the emotional perception of socio-legal discrimination experienced by a “lishenets” (a disenfranchised individual). The research concludes that Petrov not only did not deny his past activities — which served as the basis for his disenfranchisement — but sought to reinterpret them within the context of advocating for the interests of the working people. In an effort to demonstrate loyalty and facilitate the restoration of his rights, Petrov employed political mimicry strategies: he referenced authoritative figures, utilized propaganda terminology, and integrated his biography into the broader narrative of post-revolutionary societal transformation. A significant aspect of Petrov’s argumentation involves appealing to the sentiments of the electoral commission members and critiquing the bureaucratic apparatus.

Keywords: “lishentsy”, socio-legal discrimination, marginality, N. P. Petrov, letters to authorities, Tomsk, Yakutsk Oblast, Irkutsk Governorate, USSR.

For citation: Kozhaieva A. A. “Seeking Truth and Justice on the Ground of Facts of Historical Significance”: N. P. Petrov’s Struggle for the Restoration of Voting Rights (1929–1931). *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 99–121. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-99-121

REFERENCES

Alexopoulos G. *Stalin’s Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State*. New York, Cornell University Press, 2003, 243 p.

Brodovich S. M. *Sovetskoe izbiratel’noe parvo [Soviet Electoral Law]*. Saint Petersburg, Gos. izd-vo, 1925, 132 p. (In Russ.).

Filimonov V. G. *Pervaya sovetskaya Konstitutsiya [The First Soviet Constitution]*. Moscow, Gosyurizdat, 1960, 77 p. (In Russ.).

Gurvich G. S. *Istoriya Sovetskoi Konstitutsii [History of the Soviet Constitution]*. Moscow, Sotsialisticheskaya akademiya, 1923, 216 p.

Ivnitskiy N. A. *Klassovaya bor’ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa [Class Struggle in the Countryside and the Liquidation of the Kulaks as a Class]*. Moscow, Nauka, 1972, 360 p. (In Russ.).

Kilin A. P. *Avtobiograficheskie svedeniya v strukture lichnogo dela grazhdanina, vzbudivshogo khodataistvo o vosstanovlenii v izbiratel’nykh pravakh, lishennykh za zanyatie torgovlei*

[Autobiographical Data in the Personal Record of a Citizen Who Has Applied for the Restoration of Electoral Rights Deprived for Trading]. *Tomsk State University Journal*, 2018, no. 433, pp. 70–77. (In Russ.). DOI 10.17223/15617793/433/9

Kilin A. P. Knigotorgovets Vasilii Ivanovich Lagutkin (1883–1933): rekonstruktsiya biografii «lishentsa» [Bookseller V. I. Lagutkin (1883–1933): A Lishenets' Biography Reconstruction]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 53–69. (In Russ.).

Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936. *Russian Review*, 1982, vol. 41, no. 1, pp. 24–46.

Kozhaeva A. A. Podkhody i metody k izucheniyu diskriminatsionnoi kampanii «lishenchestva» (1918–1936) v trudakh sovetskikh i rossiiskikh istorikov i pravovedov [Approaches and Methods for Studying the Discrimination Campaign of Deprivation of Voting Rights (1918–1936) in the Researches of Soviet and Russian Historians and Legal Scholars]. *Tomsk State University Journal of History*, 2024, no. 90, pp. 130–138. (In Russ.). DOI 10.17223/19988613/90/14

Kozhaeva A. A. Rechevye praktiki podrazhaniya ofitsial'nomu sovetskomu diskursu v pis'makh «lishentsev» vo vlast' (1918–1936 gody) (na materialakh Zapadnoi Sibiri) [Speech Practices of Imitating Official Soviet Discourse in the Petitions of the Deprived to Power (1918–1936) (Based on the Materials of Western Siberia)]. *Historical Courier*, 2022, no. 6 (26), pp. 29–38. (In Russ.). DOI 10.31518/2618-9100-2022-6-2

Moine N. Peut-on être pauvre sans être un prolétaire? La privation de droits civiques dans un quartier de Moscou au tournant des années 1920–1930. *Le Mouvement Social*, 2001, num. 196, pp. 89–114.

Morozov L. F. Reshayushchii etap bor'by s nehpanskoi burzhuaziei (1926–1929 gg.) [The Decisive Stage of the Struggle Against the Nepman Bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow, VPSH i AON, 1960, 103 p. (In Russ.).

Moskalenskaya D. N. Taktiki povedeniya svyashchenno- i tserkovnosluzhitelei-«lishentsev» Zapadnoi Sibiri v bor'be za vosstanovlenie v pravakh (seredina 1920-kh – seredina 1930-kh godov) [Behavior Tactics of the Clergymen-“Lishentsy” in the Struggle for Restoration of Voting Rights in West Siberia (the Middle of 1920s – 1930s)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 8: History, pp. 134–138. (In Russ.).

Petin D. I. K voprosu o sotsial'noi adaptatsii byvshikh belykh ofitserov i chinovnikov belykh armii v Omske v 1920-e gg. [On the Issue of Social Adaptation of Former White Officers and Officials of the White Armies in Omsk in the 1920s]. In: Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya – 2023: Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Omsk, 22–24 marta 2023 g.) [Omsk Social and Humanitarian Readings – 2023: Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference (Omsk, March 22–24, 2023)], Omsk, 2023, pp. 105–110. (In Russ.).

Popov I. I. Zabytye irkutskie stranitsy: zapiski redaktora [Forgotten Irkutsk Pages: Notes of an Editor]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 384 p. (In Russ.).

Pratto F., Sidanius J., Levin S. Social Dominance Theory and the Dynamics of Intergroup Relations: Taking Stock and Looking Forward. *European Review of Social Psychology*, 2006, no. 17, pp. 271–320.

Salamatova M. S. Lishenie izbiratel'nykh prav kak forma sotsial'no-politicheskoi diskriminatsii v seredine 1920-kh – 1936 gg.: Na materialakh Zapadnoi Sibiri [Deprivation of Voting Rights in the middle 1920s – 1936 gg.: On the materials of Western Siberia]

as a Form of Social and Political Discrimination in the Mid-1920s – 1936: Based on Materials from Western Siberia]. Diss. Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 2002, 292 p. (In Russ.).

Salamatova M. S. Vybory v Sovetskoi Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.) [Elections in Soviet Russia: Legislation and Practice of Implementation (1918–1936)]. 2nd ed. Novosibirsk, NGUEU, 2018, 340 p. (In Russ.).

Sipyagin A. P. Neskol'ko slov o nastoyashchem i budushchem ugolovnoi ssylki i tyur'my [A Few Words about the Present and Future of Criminal Exile and Prison]. Saint Petersburg, 1898, 36 p. (In Russ.).

Valuev D. V. Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnoshenii (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoii gubernii i Zapadnoi oblasti) [Disfranchised People in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on Materials from the Smolensk Governorate and the Western Oblast)]. Smolensk, Madzhenta, 2012, 155 p. (In Russ.).

Vladimirskiy M. F. Organizatsiya sovetskoi vlasti na mestakh [Organization of Soviet Power on the Ground]. Moscow, Gos. izdatel'stvo, 1921, 146 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALBINA A. KOZHAEVA, Assistant of the Section of History, Culture and Arts of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, a.kozhaeva18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2745-1365>, WoS ResearcherID: JJE-7957-2023, SPIN-code: 1962-3228.

The article was submitted on 06.05.2026; approved after reviewing on 02.06.2026; accepted for publication on 05.06.2026.